

УДК 94(517):930.25(470)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-131-136

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МОНГОЛИИ В 1920-е гг.
ПО ДОКУМЕНТАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ**

© Юсупова Татьяна Ивановна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 5
E-mail: ti-yusupova@mail.ru

В статье рассматриваются архивные материалы, касающиеся деятельности Ученого комитета Монголии в первое десятилетие его существования. Показано, что важное значение для понимания условий функционирования и проблем монгольского научного учреждения в этот период имеют письма его ученого секретаря Ц. Ж. Жамцарано к неперемемному секретарю Академии наук С. Ф. Ольденбургу. Другим значимым источником по истории Ученого комитета является перспективный план его развития, составленный Ц. Ж. Жамцарано в 1924 г. Эти архивные документы позволяют также оценить личный вклад Ц. Ж. Жамцарано в деятельность Ученого комитета в 1920-х гг.

Ключевые слова: архивные источники; Ученый комитет Монголии; Ц. Ж. Жамцарано; письма к С. Ф. Ольденбургу; Программа развития Ученого комитета.

**ACTIVITIES OF THE MONGOLIAN SCIENTIFIC COMMITTEE IN THE 1920s
ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF RUSSIAN ARCHIVES**

Tatyana I. Yusupova

Dr. Sci. (History), Senior Researcher,
Vavilov Institute for Science History and Technology
St. Petersburg branch of Russian Academy of Sciences
5 Universitetskaia Emb., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: ti-yusupova@mail.ru

The article deals with archival papers concerning the activities of the Mongolian Scientific Committee, its creation and development in the first decade of its existence. The paper shows that letters of the academic secretary of the Scientific Committee Ts.J. Zhamtsarano to the permanent secretary of the Russian Academy of Sciences S.F. Oldenburg are important sources for understanding of problems of the Mongolian scientific institution during this period. Another significant source for the history of the Scientific Committee is a long-term plan of development for the Committee, wrote by Ts.J. Zhamtsarano in 1924. These archival sources also shed new light on evaluate the personal contribution of Ts.J. Zhamtsarano in the activities of the Scientific Committee in the 1920s.

Keywords: Mongolian Scientific Committee, Ts.J. Zhamtsarano, letters to S.F. Oldenburg, long-term plan of development, archival sources

О создании Ученого комитета МНР (далее Учком) — первого монгольского научного учреждения написано уже немало работ, в том числе и автором данной

статьи [5]. В этой публикации мы дополним его историографию кратким обзором документов из Архива Русского географического общества (РГО) и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН), в которых содержится информация о деятельности Ученого комитета в первое десятилетие его существования.

Как известно, *Судар бичгийн хүрээлэн* (Книжная палата или Ученый комитет — устоявшееся название данного учреждения в литературе на русском языке) был создан в ноябре 1921 г. Председателем Ученого комитета стал монгольский ученый гун О. Жамьян (*Онходын Жамъян*, 1864–1930), а ученым секретарем — Ц. Ж. Жамцарано (*Жамсраны Цэвээн*, 1881–1942) — бурят, тогда еще российский поданный, которому принадлежала одна из ведущих ролей в развитии комитета в первое десятилетие его существования.

Ц. Ж. Жамцарано отмечал, что инициировать создание *Судар бичгийн хүрээлэн* ему посоветовал академик С. Ф. Ольденбург (1863–1934), непреременный секретарь РАН, с которым у Цыбена Жамцарановича сложились тесные дружеские отношения еще со времени его учебы в Санкт-Петербургском университете [1, с. 185]. Эта же информация была отражена в подробном документальном исследовании американского монголоведа Р. Рупен [7, р. 204] со ссылкой на публикацию Ц. Ж. Жамцарано. О роли С. Ф. Ольденбурга в инициировании создания *Судар бичгийн хүрээлэн* упоминал также в своих воспоминаниях первый монгольский академик Б. Ринчен (*Бямбын Ринчен*, 1905–1977). Он писал, что монгольское научное учреждение было создано «по предложению непреременного секретаря Академии наук СССР Сергея Федоровича Ольденбурга <...> Джамьян-сайт, учитель Сухэ-Батора, которому показали письмо Ольденбурга профессору Жамцарано, горячо поддержал предложение советского ученого. Вместе с Жамцарано, переводчиком Устава советской академии, Джамьян-сайт разработал устав и программу деятельности будущей *Судар бичгийн хүрээлэн* <...> Профессор Жамцарано стал секретарем этой академии» [3, с. 156].

В Архиве РГО в фонде известного российского путешественника П. К. Козлова (1863–1935) находится документ с названием «Схематическая программа работ Учкома» (на русском языке)¹. Вероятно, это копия той самой программы, о которой упоминает академик Б. Ринчен. Документ переписан, по-видимому, специально для именитого путешественника и датирован 15 февраля 1924 г. За несколько дней до этой даты, 10 февраля 1924 г., состоялось заседание Учкома, на котором Ц. Ж. Жамцарано представил разработанный им план по его развитию.

В преамбуле программы сформулирована главная цель деятельности Учкома — способствовать государственному строительству. В качестве объектов изучения обозначены народ, страна (территория и природные богатства) и народное хозяйство. Кроме работ «чисто исследовательского характера» деятельность Учкома должна была, по мысли Ц. Ж. Жамцарано, направляться также на популяризацию и распространение «научных и практических знаний среди массы населения». С этой целью планировалось создать музей и библиотеку и уделить

¹ Архив Русского географического общества (РГО). Ф. 18. Оп. 4. Д. 22.

особое внимание подготовке национальных научных и технических кадров. Необходимым условием «большой продуктивности работ Учкома» Ц. Ж. Жамцарано считал «постоянные сношения» с иностранными учеными, научными, учебными и художественными учреждениями и обмен с ними «научными трудами, материалами и мыслями».

Ц. Ж. Жамцарано на посту ученого секретаря последовательно решал поставленные в программе задачи. При этом он опирался на советы и поддержку С. Ф. Ольденбурга, что подтверждают, в частности, его письма к неперемемному секретарю Академии наук, хранящиеся в СПбФ АРАН. Как отмечал А. М. Решетов, переписка носила исключительно доверительный, искренний и в то же время деловой характер [2, с. 57].

Следует отметить, что самый большой в СПбФ АРАН массив материалов, касающихся взаимодействия российских ученых с Ученым комитетом, находится в фонде Монгольской комиссии АН СССР (Ф. 339) — координатора взаимодействия РАН / АН СССР и Учкома. Однако вопросы деятельности Ученого комитета в 1920-х гг. наиболее полно и разнопланово отражены именно в письмах Ц. Ж. Жамцарано к С. Ф. Ольденбургу. И хотя их всего три (написанное в октябре 1924 г. хранится в фонде Управления делами конференции Академии наук, письма сентября 1926 г. и октября 1928 г. — в фонде С. Ф. Ольденбурга), они содержат большой объем информации по истории Учкома. Ц. Ж. Жамцарано в письмах подробно рассказывал учителю и другу о своей административной и научной работе, об организационном становлении Учкома, проблемах «роста» и обсуждал вопросы, заявленные в программе его развития: изучение страны, создание музея и библиотеки, подготовку национальных кадров. Периодичность хранящихся в академическом архиве писем (одно письмо в два года) позволяет проследить, какие проблемы Учкома и как быстро удавалось решить, какие оставались «переходящими» из года в год, содержание и форму помощи со стороны РАН / АН СССР, особенности формирования исследовательских программ Учкома, а также понять мотивацию действий Ц. Ж. Жамцарано.

Ключевой из обсуждаемых в переписке тем была организация изучения Монголии, ее природных ресурсов, населения и истории. В связи с этим особый интерес представляет письмо от 2 октября 1924 г., в котором Ц. Ж. Жамцарано изложил свой взгляд на характер помощи со стороны РАН и просил С. Ф. Ольденбурга командировать специалистов в различных отраслях знания¹. В тот период Учкому требовались «археолог, он же палеонтолог», который руководил бы работой «не совсем специализированных» монгольских исследователей, а также был бы «экспертом монгольского правительства, обеспокоенного вывозом археологических и палеонтологических находок, сделанных на территории Монголии иностранными экспедициями», и геолог «по части полезных ископаемых» — важной составляющей экономического развития страны.

О пожеланиях Ученого комитета С. Ф. Ольденбург посчитал необходимым сообщить управляющему делами СНК СССР, непосредственному правительствен-

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 69–72.

ному куратору Академии наук Н. П. Горбунову. Об этом свидетельствует наличие копии этого письма в делах секретариата Совнаркома в Государственном архиве РФ¹. Этот факт позволяет нам предположить, что просьбы Ц. Ж. Жамцарано о помощи со стороны РАН стали для С. Ф. Ольденбурга одним из оснований для инициирования обсуждения изучения Монголии российскими учеными на правительственном уровне. Результатом этого стало создание специальной комиссии при СНК СССР по научному изучению Монголии (Монгольской комиссии), которую возглавил Н. П. Горбунов, а С. Ф. Ольденбург стал его заместителем. С 1927 г. Монгольская комиссия стала академической и до конца 1929 г. ее возглавлял С. Ф. Ольденбург.

В этом же письме был затронут вопрос правового сопровождения деятельности иностранных ученых на территории Монголии. Ц. Ж. Жамцарано сообщил неперемому секретарю РАН, что в Монголии принят закон «Об охране памятников старины», который ограничивает вывоз из страны добытых научных коллекций. Чтобы их вывезти необходимо получить особое разрешение от монгольского правительства. Этот закон позволил Учкому наполнить создаваемый музей естественно-научными и археологическими коллекциями, собранными иностранными исследователями. Первыми из таких коллекций стали палеонтологические находки американской экспедиции Нью-Йоркского музея естественной истории под руководством Р. Ч. Эндрюса и археологические — монголо-тибетской экспедиции П. К. Козлова.

Необходимо отметить, что деятельность российских ученых в Монголии регламентировалась не только этим законом, но и специальными договорами, заключаемыми Учкомом с АН СССР, к выполнению которых они подходили очень ответственно [6, с. 111–125].

Через два года в письме С. Ф. Ольденбургу от 12 сентября 1926 г. Ц. Ж. Жамцарано с удовлетворением отметил: «Все научные экспедиции, посланные Вами в Монголию, или уже оканчивают свои работы или уже окончили и возвращаются, пополнив наш музей целыми группами коллекций. В отношении внимания к нашему учреждению со стороны членов экспедиции мы можем сказать одно: таких только и посылать к нам!»². Ц. Ж. Жамцарано остался доволен и содержанием договора Учкома с Монгольской комиссией Академии наук, в котором были учтены предложения монгольской стороны. Он написал С. Ф. Ольденбургу, что считает такой подход «тем путем, по которому пойдут последующие экспедиции, снаряжаемые Академией наук».

В 1926 г. вновь, как и два года назад, Ц. Ж. Жамцарано просил командировать в Учком геолога-палеонтолога, в котором по-прежнему остро нуждалось монгольское научное учреждение для проведения собственных палеонтологических и геологических работ. О необходимости развития исследований прикладного хозяйственно-экономического характера свидетельствовало также приглашение российских специалистов по почвоведению и геохимии.

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 117–119.

² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 40–41.

Из следующего письма, от 22 октября 1928 г.¹, мы узнаем о планах Учкома по развитию сотрудничества с Академией наук. В связи с этим Ц. Ж. Жамцарано ставил вопрос «о дальнейшем координированном и планомерном изучении Монголии», для чего он считал необходимым разработать долгосрочный план и заключить соответствующий договор. Это предложение получило поддержку Академии наук, и в 1929 г. АН СССР и Ученый комитет МНР заключили Договор о совместных исследованиях в 1930–1934 гг.

В том же письме Ц. Ж. Жамцарано положительно отзываясь о работе российских исследователей в Учкоме: востоковеда М. И. Тубянского (1893–1937, в Учкоме с 1927 по 1936 гг.), географа и музыканта С. А. Кондратьева (1896–1970, в Учкоме с 1926 по 1931 гг.) и тогда начинающего ученого А. Д. Симуква (1902–1942, в Учкоме с 1926 по 1939 г.), который в дальнейшем внес заметный вклад в деятельность Ученого комитета (с 1930 г. Комитета наук).

Ц. Ж. Жамцарано большое внимание уделял созданию монгольского национального музея, пополнению его коллекций. Не менее важное значение он придавал строительству «хорошего каменного здания» для музея и библиотеки. В письме 1928 г. содержится интересная информация о его планах по сбору денег для строительства. В частности, он намеревался, «добыть средства путем пожертвований из-за границы, путем продажи избытков коллекций, путем эксплуатации специальных фильмов и пр.» и по этому поводу предпринял «переписку с Америкой и Европой».

Основные проблемы функционирования Учкома также нашли отражение в письмах его ученого секретаря. Они типичны для подавляющего большинства государственных научно-исследовательских заведений: недостаточное финансирование, нехватка квалифицированных кадров, жесткое администрирование и бюрократизация их работы со стороны директивных органов.

Завершая свое письмо 1928 г., Ц. Ж. Жамцарано заметил, что он специально так подробно описывал деятельность Учкома, чтобы С. Ф. Ольденбург почувствовал, «какую колоссальную работу проделывает Академия наук для Монголии» и как он «дорожит этим и хотел бы, чтоб такие исследования продолжались дальше». Сотрудничество российских и монгольских ученых осуществлялось и дальше, но в 1930-е гг. уже без руководства со стороны Ц. Ж. Жамцарано и С. Ф. Ольденбурга. В 1929 г. в ходе развернувшегося в СССР так называемого академического дела С. Ф. Ольденбург был отстранен от должности постоянного секретаря Академии наук и председателя Монгольской комиссии, а Ц. Ж. Жамцарано в результате прихода к власти в Монголии сторонников радикальных политических преобразований [4] был вынужден уйти из руководства Ученого комитета, а в 1932 г. покинуть Монголию. Между последующими руководителями Учкома (Комитета наук) и Монгольской комиссии таких доверительных отношений не сложилось. С 1929 г. переписка Монгольской комиссии Академии наук и Учкома (Комитета наук) Монголии была выделена в отдельное делопроизводство в рам-

¹ СПБФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 42–45

ках деятельности Монгольской комиссии и стала носить официальный, формализованный характер.

В заключение отметим, что «Программа развития Ученого комитета» из Архива РГО и письма Ц. Ж. Жамцарано из СПбФ АРАН являются ценными источниками по истории Ученого комитета Монголии, особенностям его функционирования в 1920-е гг. Они освещают действия его руководства по развитию первого монгольского научного учреждения, установлению взаимодействия с Российской академией наук, отражают значимость контактов с российскими исследователями для проведения широкомасштабного изучения Монголии, а также дают возможность оценить личностный вклад ученых в становление Ученого комитета, разработку его организационных принципов и исследовательских направлений.

Литература

1. Жамцарано Ц. Ж. Жалованная грамота Сецен-хана, данная ламе Лубсан-Байдубу // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932 / отв. ред. И. Ю. Крачковский. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 185–194.
2. Решетов А. М. О переписке Ц. Ж. Жамцарано с С. Ф. Ольденбургом и Б. Я. Владимирцовым // *Orient. Альманах* / гл. ред. Е. А. Хамаганова. СПб.: Утпала, 1998. Вып. 2–3. С. 56–60.
3. Ринчен Б. На Север мы шли за знанием // *Книга Братства*. М.; Улаанбаатар, 1971. С. 156.
4. Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.
5. Монгольско-российское научное сотрудничество: От Ученого комитета до Академии наук / ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. Улаанбаатар: Адмон, 2012. 182 с.
6. Юсупова Т. И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.
7. Rupen R. *Mongols of the Twentieth Century. Part I*. Bloomington: Indiana University Publications, 1964. 510 p.